

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Сокрыто – не забыто

Стоял старый замок, окружённый тинистыми рвами; вёл к нему подъёмный мост, который чаще бывал поднят, чем опущен, – не всякий гость приятен! В стенах под крышей были бойницы; из них стреляли, лили кипяток и даже растопленный свинец на головы врагов, если те подступали чересчур близко. Потолки в замковых покоях были высокие, и хорошо, что так, – по крайней мере было куда деваться дыму, выходящему из камина, где шипели огромные сырые коряги. По стенам висели портреты закованных в латы мужчин и гордых дам в платьях из тяжёлой материи. Самую же стройною, величественною из них была сама нынешняя владетельница замка, Метта Могенс.

Раз вечером на замок напали разбойники, убили трёх слуг и цепную собаку, а вместо неё посадили на цепь госпожу. Сами же расселись в зале и начали бражничать, попивая доброе вино и пиво из погребов замка.

И вот, госпожа Метта сидела на цепи и даже лаять не могла.

Вдруг явился слуга разбойников; он подкрался к ней потихоньку, чтобы не заметили разбойники, – они бы убили его.

– Госпожа Метта Могенс! – сказал он. – Помнишь ли ты, как твой муж посадил на кобылку моего отца? Ты просила за него, но просьбы не помогли, он должен был сидеть, пока не искалечится; тогда ты подкралась к нему, как я теперь к тебе, и сама подложила ему камешек, сперва под одну, потом под другую ногу, чтобы дать ему отдохнуть. Никто не заметил этого, или все сделали вид, что не заметили, – ты была, ведь, молодою доброю госпожой их! Вот что рассказывал мне мой отец, и я скрыл это в моём сердце, скрыл, но не забыл! Теперь я освобожу тебя, госпожа Метта Могенс.

Они вывели из конюшни лошадей и помчались в дождь и ветер прочь от замка, за помощью.

– Ты щедро платишь за мою маленькую услугу старику! – сказала Метта Могенс.

– Скрыто – не забыто! – повторил слуга.

Разбойников повесили.

Стоял старый замок; стоит он и посейчас; но владеет им не Метта Могенс, а другой дворянский род.

Было это уже в наше время. Золочёные шпицы башен сияли на солнце, маленькие лесные островки выглядывали из воды словно букеты, а вокруг них плавали белые лебеди. В саду цвели розы, но сама владетельница замка была свежее, прекраснее лепестка розы. Она вся сияла от радости, от сознания сделанного ею доброго дела. Добрые дела её не кричат о себе по свету, но находят себе приют в сердцах людей; там они скрыты, но не забыты.

Вот она идёт из замка к одинокой лачужке в поле. В ней живёт бедная параличная девушка. Единственное окошечко её коморки было обращено на север, и солнце не заглядывало к ней никогда. Она видела в окно только краешек поля, ограниченного высокою насыпью. Но сегодня в комнатке сияет солнышко, тёплое Господне солнышко! Оно светит с юга в новое окошко, прорубленное в прежде глухой стене.

Параличная сидит и греется на солнышке, любуется лесом и берегом морским; свет вдруг так расширился для неё, приобрёл новую красоту, и всё это – по одному слову ласковой владетельницы замка.

– Мне ничего не стоило сказать его и сделать это маленькое доброе дело! – говорит она. – А оно доставило мне такую огромную, бесконечную радость!

Вот почему она и продолжает творить добро, думать обо всех нуждающихся в утешении и в бедных хижинах, и в богатых домах – и там находятся такие. Добрые дела её остаются скрытыми, но не забытыми Господом Богом.

В большом, шумном городе стоял старый дом. В нём было много комнат и зал, но мы туда не пойдём, а останемся в кухне. Тут тоже светло, уютно, чисто и мило. Медная посуда так и блестит, стол чисто выскоблен, лоханка тоже. Всё это дело рук служанки; она одна служанка в доме и всё-таки находит ещё время, убравшись по дому, придеться, словно собирается в церковь. На голове у неё чепчик с чёрным бантиком; это означает траур, скорбь. Но у неё нет никого, о ком бы ей печалиться – ни отца, ни матери, ни родственников, ни милого; она бедная, одинокая девушка. Когда-то, впрочем, у неё был жених, такой же бедняк, как и она сама; они горячо любили друг друга, но вот однажды он сказал ей:

– У нас с тобой нет ничего! А богатая вдова-погребщица давно нашёптывает мне ласковые слова. Она хочет мне добра! Но моё сердце полно тобою! Что ты присоветуешь мне!

– Делай так, как по-твоему будет для тебя лучше! – сказала она. – Будь добр и ласков с нею, но помни, что раз мы расстанемся – больше уж не увидимся!

Прошло несколько лет; и вот она встретила на улице своего прежнего жениха. Он смотрел так плохо, что она не могла пройти мимо него, не спросив:

– Что с тобою? Как тебе живётся?

– Хорошо и богато! ответил он. – Жена моя добрая, славная женщина, но в моём сердце одна ты. Я отстрадал своё, скоро конец! Мы свидимся теперь только на том свете!

Прошла неделя, и сегодня утром в газете появилось извещение о его смерти; вот почему у девушки чёрный бантик на чепчике. Жених её умер, «потерян для жены и трёх пасынков», – как сказано в извещении. Звучит-то оно как-то фальшиво, но самый колокол из чистого металла.

Чёрный бантик говорит о горе; лицо девушки говорит о нём ещё сильнее. В сердце её он скрыт и никогда не будет забыт!

Вот и все три истории, три листка, выросшие на одном стебельке. Хочешь ещё таких трилистников? Их много хранится в памятной книжке сердца.

Многое там скрыто, но не забыто!

